

А.А. Зализняк

Об исторической лингвистике

(Лекция, прочитанная 12 декабря 2008 г. в школе «Муми-тролль»)

Лингвистике, и в особенности исторической лингвистике, к сожалению, не учат в школе. Школьное обучение в этой сфере сводится к знанию определенных правил для родного языка и элементов иностранного языка. Лучше или хуже вам удастся всё это выучить, зависит уже от индивидуальных ситуаций. Но о том, какова история языков, откуда взялось и как развилось то положение в современном русском языке или в современном английском, которое вы изучаете, – об этом практически никогда не идет никакой речи. А между тем простое наблюдение, чем интересуются люди, какие вопросы они задают, показывает, что очень многих людей, даже большинство, я бы сказал, интересуется, откуда что в языке произошло.

Очень часто, например, люди спрашивают: «Откуда взялось мое имя?» Или просто, откуда взялось то или иное слово. Нередко об этом спорят. Еще один часто задаваемый вопрос: «Какой язык самый древний? Правда ли, что русский язык самый древний? Вот я читал где-то (или слышал), что русский язык древнее всех остальных, это правда или нет?» Такие вопросы возникают у очень многих людей. И это всё на фоне того, что школа никаких, даже самых первичных сведений о том, как современная наука на эти вопросы отвечает, к сожалению, обычно не дает.

Вот я попробую чуть-чуть на вашем примере это положение улучшить, кое-что вам рассказать, чтобы такого рода недостачу в школьном образовании – в очень маленькой, конечно, степени – восполнить.

Сперва, пожалуй, остановимся на вопросе о том, какой язык самый древний. Мне его непосредственно много раз задавали, и неоднократно

приходилось слышать, как другие люди об этом говорят. Сейчас об этом можно и почитать. На эти темы много и говорится и пишется. Количество публикаций, книг, журналов выросло во много раз по сравнению с тем, что было 15 лет назад. Прочитать можно самые разные вещи, в том числе и про слова, про то, что с ними происходит, про языки, какой древний, а какой нет. К большому сожалению, я должен вам сказать совершенно откровенно, что большинство этих писаний представляет собой личные фантазии авторов, а к науке лингвистике отношения не имеет – увы! Больше того, как раз популярность приобретают вот такие дешевые сочинения, которые изображают всё это дело как очень легкое: подумал немножко и догадался, ничего изучать особенно глубоко не надо. Это многим нравится. И по телевидению иной раз такое увидишь – я сам наблюдал несколько таких сеансов в недавнее время, когда подобного рода совершеннейшая чепуха с точки зрения лингвистической науки преподносится так, как если бы это действительно были какие-то серьезные соображения.

Причина, конечно, всё та же самая. Если бы эти сочинители и слушатели обо всем этом хоть что-то узнали в школе, то значительная часть таких пустых выдумок не существовала бы.

Итак, классический вопрос: какой язык самый древний? Люди, которые готовы обсуждать этот вопрос, не осознают, что на самом деле, если вдуматься глубже, он бессмыслен. Что значит, что один язык древний, а другой не древний?

Ну, прежде всего, конечно, надо сказать, что существует разумное употребление слов *древний язык* и *древний народ*. Скажем, скифы – древний народ, скифский язык – древний язык. Что это значит? А то, что соответствующие люди и их язык были в древности, сколько-то веков назад, а сейчас ни того, ни другого, ни народа, ни языка нет. Такое употребление слов *древний язык* понятно и разумно. Но часто про современный язык говорят, что он древний. Вот русский язык – древний или нет, армянский язык – древний или нет? А это уже бессмыслица.

Почему бессмыслица? Давайте просто подумаем. У каждого поколения людей, кто бы они ни были, есть свои родители. Так? В какой момент вы ни будете рассматривать мировую историю, у любых людей, которые в этот момент живут, есть предыдущее поколение. И так до момента возникновения человека – если хотите, до Адама. И все эти поколения говорили. Человек, собственно, тем и отличается от остального живого мира, что это говорящее существо, так что возникновение человека и возникновение языка – это примерно параллельные процессы. Итак, с самого начала существования человека как такового существовала и человеческая речь, какие-то языки. И какое бы поколение мы ни взяли, нынешнее, или то, которое жило двадцать веков назад, оно говорит на языке своих родителей. С маленькими отличиями. Дети, как вы знаете, действительно немножко отличаются по языку, но по очень незначительным признакам – некоторые слова употребляют иначе, некоторые звуки могут произноситься чуть-чуть иначе, чем у родителей – но все это ничтожно и почти не замечается. Не бывает перестроек языка столь мгновенных и глубоких, чтобы при переходе от одного поколения к следующему возник новый язык, то есть потерялась бы возможность взаимопонимания между родителями и детьми (недовольство по поводу новых словечек у детей – это, разумеется, мелочь). Верно то, что на протяжении жизни многих поколений малые изменения накапливаются, и язык отдаленных предков становится непонятен, но для одновременно живущих поколений этот процесс незаметен, язык всегда ощущается как один и тот же.

Бывало, правда, в истории разных народов, что на некоторой территории один язык сменялся другим. На это уходит как минимум два-три поколения, иногда гораздо больше. Иногда несколько сот лет может уйти. В истории хорошо известны случаи, когда какую-то страну завоевывали иноземцы и возникала ситуация с двумя языками: язык исконный и язык иноземцев. Происходила борьба языков, и могло оказаться, что затем все переходили на какой-то один язык. Не обязательно на язык победителей.

Есть примеры, когда переходили на язык победителей, а есть такие, когда, наоборот, победители усваивали язык страны, которую они захватили. И тех, и других примеров довольно много. Но в любом случае, даже когда происходил такой переход с одного языка на другой, это просто значит, что через два, три, четыре поколения поколение правнуков стало говорить не на том языке, что поколение прадедов.

Но этот новый второй язык вовсе не возник из ничего. Он прекрасно существовал у того народа, которому принадлежал. Так что никакого возникновения нового языка при этом не произошло. Но может произойти потеря старого языка. Это может быть. Потеря языка при таких конфликтах в ходе истории происходила много раз во многих местах. Многие языки прекратили свое существование ровно по этой причине. Ну, например, можно представить себе совсем уж варварский случай, что пришли такие свирепые завоеватели, которые просто уничтожили всех местных жителей. Тогда понятно, что и язык тоже угас. Но даже когда завоеватели не уничтожают их, а всего лишь покоряют, вполне может быть, что те перейдут постепенно на язык победителей, и их собственный язык забудется. Таких забытых языков, о существовании которых мы точно знаем, очень большое количество. И еще гораздо больше таких, о которых мы ничего не знаем, о которых не осталось никакой памяти. Но судьба их, безусловно, была именно такова.

Откуда же тогда взялось множество языков? Ответ: ни в коем случае не за счет того, что какой-то язык вдруг произошел из ничего, а всегда как результат ветвления некоего единого старого языка. Чаще всего это происходит в результате того, что жители какой-то страны делятся: часть уходит на новые места, постепенно связь между двумя половинами народа ослабляется, иногда полностью теряется. Сперва они, конечно, говорят на одном и том же языке, но с течением веков в каждой из этих половин накапливаются какие-то свои изменения языка, и постепенно они перестают

понимать друг друга. И тогда это уже два разных языка. Это основной источник того, что в мире много языков.

К чему я всё это говорю? К тому, что понятия *древний язык*, *не древний язык* только тогда были бы осмысленны, если бы языки в какой-то момент возникали, если бы можно было сказать, что, допустим, армянский язык возник в таком-то веке, а до этого его не было. Но это бессмыслица. Как мы увидели, никакой язык одномоментно никогда не возникает. Следовательно, все языки, которые сейчас существуют, строго говоря, имеют один и тот же возраст. Они восходят к какому-то бесконечно глубокому предку, может быть, к нескольким предкам, но, во всяком случае, предельной глубины жизни человечества. Вот, собственно, ответ, почему вопрос «какой язык древнее?» бессмыслен.

Почему же люди, тем не менее, так охотно спорят на эту тему, и им кажется, что они говорят о чем-то содержательном, хотя мы вроде бы видим, что это бессмыслица? А вот почему. В действительности существует реальная разница не в том, какой язык существует дольше, какой меньше, – этой разницы нет. А существует разница в долготе жизни **названий** языков. Поразительная вещь: существенным оказывается не сам язык, огромная машина из тысяч, десятков тысяч слов, грамматики и прочего, а всего лишь один маленький элемент: название этого языка.

И вот оказывается: на самом деле мы называем древними и осознаем как древние те языки, про которые известно, что уже много веков назад у них было такое же название, как сейчас. Этот факт на нас психологически производит впечатление, и мы говорим: древний язык. Скажем, персидский язык: слово *парса* – название персидского языка – засвидетельствовано уже в VI в. до н.э. (именно в таком звучании: *парса*). Этого достаточно, чтобы можно было сказать, что персидский язык древний, по крайней мере, по нашему ощущению. Значит, он в течение большого числа веков не менял своего названия. Такая вот, казалось бы, внешняя вещь в действительности является основой того представления, что языки бывают более молодые и

более старые. Для самой сути языка это, конечно, мало что значит, но для соответствующего народа имеет большое значение. Поэтому про названия языков, действительно, стоит кое-что понять.

Особенно много споров в нашей среде происходит, конечно, по поводу слов *русский язык*. Можно прочесть бог знает что по этому поводу. Например, какие-нибудь сочинения о том, что делали русские семьдесят тысяч лет назад. Это совершеннейший абсурд. Дело в том, что, с одной стороны, конечно, семьдесят тысяч лет назад были какие-то физические предки всех нас присутствующих здесь. Никто из нас не родился иначе как от своих родителей. И так все семьдесят тысяч лет. Но, с другой стороны, язык, на котором эти предки говорили, даже если он и является по прямой линии древней основой того, что потом стало русским языком, был совершенно в такой же степени русским, как и любым из еще пятидесяти или ста, или двухсот других языков. И совершенно ясно, что никакого такого названия быть не могло.

Что касается названий, то полезно знать, что они складываются разными способами. Как называются языки, страны и народы? Это три разных вещи, но они, конечно, очень тесно связаны.

Весьма часто мы встречаемся в истории со случаями, когда язык называется термином, который, вообще говоря, принадлежит другому народу, а не ему. Например, французский язык. По-русски – *французский*, по-французски – *français*, по-латыни соответственно *Francia* как название страны. Для нас, естественно, это слово связано с определенным романским народом, который происходит от древних римлян, занимает территорию нынешней Франции и, конечно, принадлежит к этому романскому миру. Между тем, само название вовсе не романское. Это название германского племени франков. Центром их первоначального расселения являлись земли, где находится город Франкфурт в западной Германии, который вы прекрасно знаете. Довольно поздно, в V-VI вв., они захватили территорию нынешней Франции. Из франков произошла древнейшая династия королей Франции.

Это как раз тот случай, когда имя, которое потом распространилось и на страну, и на народ, и на язык, на котором там говорили, идет от завоевателей. А сами завоеватели свой язык потеряли. Это один из тех случаев, о которых я говорил. Франки, которые вторглись на территорию тогдашней Галлии, довольно быстро растворились с точки зрения языка среди своих завоеванных подданных, усвоили язык, происходящий от латинского, т.е. предок нынешнего французского. Однако они дали ему свое название. Язык, который до того никакого привязанного к данной территории названия не имел, получил его от завоевателей.

Это только один такой пример, но вообще их довольно много. Вот еще пример. Пруссия – типичная германская земля, часть германского государства; считается, что Пруссия – традиционно самое чистое воплощение германского духа. Так вот: прусы, которые первоначально населяли эту страну, – вовсе не германцы. Это балтийское племя, родственное литовцам, от которого сейчас уже ничего не осталось. Их, правда, не убивали, просто после захвата они постепенно перешли на немецкий язык. А название осталось их. Так что Пруссия – исторически вовсе не германская земля.

Вероятнее всего, подобную историю имело и более всего интересующее нас название русского языка, хотя это и является предметом споров. Первоначально слово *русь* было названием не славян, наших предков, а варягов, которые пришли на Русь в конце I тысячелетия – в IX, X, XI вв. Варяжские дружины составили, так сказать, верхний слой тогдашнего славянского общества, и с ними произошло примерно то же самое, что и с франками во Франции. Они довольно быстро усвоили русский язык. Уже во втором-третьем поколении варяжские князья, которые правили Русью, говорили по-русски. От языка варягов на Руси осталось очень мало, даже заимствований в русском языке совсем немного. А имя осталось. Вначале *русью* назывались именно варяжские дружины, которые пришли, затем – то государство, которое они создали в районе Киева, затем – страна вокруг,

затем все подчиненные земли. Заметьте, что довольно долго жители всей нынешней европейской части территории России, Украины и Белоруссии считали и называли Русью только маленькую часть страны – территорию нынешних Киевской, Черниговской и Переяславской областей Украины. Остальные территории тогда еще не воспринимались как Русь. Так, в берестяных грамотах, которые мы находим в Новгороде, в XII в. один новгородец пишет другому: «Я ходил в Русь». Значит, он совершил путешествие из Новгорода либо в Киев, либо в Чернигов, либо в Переяславль. В Новгородской летописи XIII в. сказано, что новгородский епископ такой-то ходил в Русь, вернулся через год. Новгородцы начинают называть себя русскими не раньше XIV в. И это пример, типичный для самых разных стран.

Названия, которые сейчас нам кажутся относящимися к целому народу: все французы, все русские, все арабы и т.д. – почти всегда, если мы углубляемся в древность и изучаем их более основательно, оказываются названиями какой-то очень маленькой их части. Это очень естественно. Дело в том, что участники нынешних споров о древности языка или народа находятся в плену иллюзии, что немецкий народ, французский народ или русский народ тысячу лет назад представлял собой единство примерно того же типа, что и сейчас. Ну, разве что народ был не такой многочисленный; но это была некоторая совокупность людей, которые понимали, что все они принадлежат к одной нации, одному народу. История показывает, что это глубокое заблуждение. Нынешнее представление о том, что такое народ, складывается поздно, и в большинстве случаев в древности мы находим совсем другое представление. Люди жили гораздо более маленькими группками. Вот было у них свое племя, и для него могло быть какое-то название. Причем чаще всего это название было не этническое, типа *французы, арабы* и т.д. Они назывались примерно так: *свои*. Или: *люди*. На вопрос «как называется ваше племя», ответом, как правило, было какое-то

слово, которое в буквальном переводе значило *свои люди*, просто *люди* или что-то в этом роде.

Многие нынешние названия стран восходят именно к этой идее. Даже в Европе есть, по крайней мере, два места, одна крупная страна и одна область, названия которых начинаются со *сво*, *све* — «свой». Это Швеция, ее древние жители именовались *свеар*, первоначально — «свои люди». И точно такого же происхождения название швабов (*свеби*), с тем же самым *све*- «свой», старым индоевропейским названием своих. Названия с тем же значением (разумеется, с какими-то своими звучаниями) встречаются в самых разных местах мира. Иногда могут быть более сложные названия, типа «настоящие люди». Так что многие названия дальних языков, если их с их собственного языка перевести, превратятся во что-то подобное. Название такого рода не воспринималось как национальное или этническое. Это были просто «люди», в отличие от всего окружающего мира. Часто для этнических групп вообще никакого другого названия не было. И совсем уж часто не было никакого обобщающего названия для всей совокупности разных племен, которые говорили на близких языках или диалектах.

Нередко мы встречаемся с тем, что название какого-то народа возникало не в том языке, на котором этот народ говорил, а у их соседей. Вот у соседей довольно естественно желание каким-то образом обозначить чужих. Причем часто не очень приятным словом. Например, вам хорошо известно, как называются германские народы по-русски. Они называются *немцы*. Это явно исконное русское слово, означающее «немые люди», безъязыкие. Заметьте, что в таких случаях обычно не различают, что это за иностранцы. Может быть, они между собой и различны. Это совершенно неважно, поэтому в древности немцами называли не только людей из Германии. Шведы, датчане, норвежцы — все они в древних русских памятниках совершенно одинаково называются немцами. И такого рода названий довольно много. Иногда они не несут отрицательного смысла, это просто названия.

Часто те названия, которые мы знаем, совершенно не соответствуют тому, как народы сами себя называют. Вот не знаю, знаете ли вы, как сами себя называют финны?

– *Суоми*.

– О, правильно, знаете! Прекрасно. Ничего общего, правда же? Что *финны* – это не финское слово, ясно уже из того, что в финском языке нет фонемы *ф*. Замечательное явление: они называются словом, которое сами не в состоянии произнести! Самоназвание их *суоми*.

Ну, хорошо, если вы такие образованные, может быть, вы знаете, как армяне сами себя называют?

— *Хай*.

— *Хай*, правильно, совершенно точно! *Хайастан* – Армения. Очень хорошо, знания у вас есть. А весь остальной мир называет их армянами: *arméniens*, *armenians* и т.д.

Слово *германцы* совершенно чуждо германским народам. Ну, сейчас они, конечно, его знают, но в древности их так называли римляне. *Germania* – это латинское название страны, северного соседа Римской империи. А сами себя, взятых всех вместе, они никак не называли. По-видимому, даже полного и ясного осознания того, что они представляют собой племена, говорящие на сходных языках, в отдельном племени не было. А все-таки они сейчас как-то себя называют, верно? Как называют себя немцы?

– *Deutsch*.

– *Deutsch*, правильно. Совершенно ничего общего со словом Германия. Это как раз один из тех самых примеров. *Deutsch* – от древненемецкого *diot* «народ, люди». То есть слово *deutsch* в первоначальном значении – это «людской, народный». Сейчас, конечно, оно уже означает «германский». Это один из тех примеров, когда люди называют себя просто «люди» или просто «народ». И, кстати, первоначально этим словом обозначались любые германские племена. Этим же словом, которое сейчас по-немецки звучит как

deutsch, только в древней форме, называли и жителей Британских островов, и датчан, и прочих. В старых латинских записях это так и значится.

Довольно часто один и тот же народ называется своими соседями по-разному. Вот некоторые примеры. Возьмем ту же Германию. Русские и другие славяне называют их *немцами*. А французы как называют немцев?

– *Allemands*.

– *Allemands*. Eh oui. Почему? Да потому что соприкасались они с южной и юго-западной частью Германии, где в древности жило племя, которое именовало себя *алеманнами*. Территория, которую они занимали, это часть нынешней Баварии. Вот эти *алеманны* и дали название всем.

Теперь более трудный вопрос: как называются немцы по-эстонски или по-фински?

– *Сакса*.

– *Сакса*! Прекрасно! Точно! Молодцы! И по-фински, и по-эстонски немцы называются *сакса*. Как вы думаете, почему?

– Племя *саксов*...

– Племя *саксов*, да. Правда, *саксы*, которых мы знаем сейчас, немножко странно, как с финнами соприкасались. Нынешняя Саксония – это область на юге бывшей ГДР.

– Но они были на побережье Балтийского моря.

– Конечно. Есть Нижняя Саксония, Бремен и т.д., которая как раз находится на побережье Балтийского моря. Купцы и прочие визитеры из этих мест постоянно посещали все части Балтийского моря и вот, пожалуйста, получилось это название: *сакса*. Так что с каждой стороны немцев называли по-своему.

Примерно то же самое, между прочим, и с русскими, если посмотреть, как соседи их называют. Ну, раз вы такие образованные, то, может быть, кто-нибудь знает, как латыши называют русских.

– *Криevi*.

– *Криеви*, правильно, совершенно точно! *Krievs* — русский. Как вы думаете, почему?

– *Кривичи*.

– Да, *кривичи*. В самом деле, их соседями были древние кривичи. Так что название это возникло, конечно, гораздо раньше, чем название *русский*. *Русский*, *русь* – всё это приходит позже, чем те контакты, в силу которых древние латыши могли усвоить название своих соседей.

Ну, раз такая у вас образованность, то, может быть, вы знаете, как финны называют русских?

– *Вене*.

– *Вене*, правильно. А это почему?

– Ну, венеты, там...

– Ну, русские и венеты – все-таки немного разные народы. Но это, конечно, то же самое слово, что и *венеты*. Более того, *вене* – это нынешняя финская форма. Древняя финская форма имела еще *t* в конце слова, это было *венет*. Это *t* отпало со временем. При слове *венет* мы, конечно, думаем о Венеции, но это далеко. А древнее *венет* – это гораздо шире, чем нынешняя Венеция. А самое главное то, что древняя форма названия одного из славянских племен была *вентичи* – *вятичи*. Это та самая форма *вент-* (с носовым *ен*), то есть это то же название. Вятичи могли контактировать с древними финнами, и их название закрепилось.

Такие примеры показывают, как самые разные исторические причины ведут к тому, что закрепляются те или иные названия языков.

Я немножко далеко ушел в рассказы о древности или недревности разных названий. Надеюсь, что основную идею я до вас донес – о том, что названия языков имеют свою историю. Одни существуют дольше, другие возникают поздно, но к древности самих языков как таковых это отношения не имеет.

Не буду больше на этом останавливаться, потому что это только часть наших сюжетов. Коснемся более непосредственно языковых вещей. Главное,

что при наивном, любительском отношении к делу остается незамеченным и чем грешат все эти многочисленные любительские сочинения, гуляющие сейчас, – это непонимание того, что никакие языки не остаются в ходе времени неизменными. Берет, например, любитель в руки журнал или книгу, где изображены какие-нибудь критские надписи XV в. до н. э., которые неизвестно, как читаются. И ему приходит в голову догадка, что такой-то знак похож на русскую букву такую-то, а такой-то знак – на русскую букву такую-то. И получается, что всё это можно читать более или менее по-русски. Ну, некоторые слова изменить придется, но в целом можно. Вы не можете себе представить, какое количество такого рода «открытий» происходит, когда оказывается, что древние критяне говорили по-русски. А уж то, что древние этруски говорили по-русски, – так почти нет такого любителя, который бы этого не утверждал! Почему? Да очень просто, почему. Название-то у них какое: *этруски – это русские*. Смешно, да? Смешно. Но, тем не менее, к сожалению, это распространяется как некая эпидемия. Практически трудно найти такое любительское сочинение, где среди прочего не было бы сказано, что этруски – это русские. И попыткам по-русски прочитать этрусские тексты несть числа.

Это несомненный абсурд, с самого начала. После подобных утверждений дальше уже можно не читать. Почему? Потому что все-таки никто не будет отрицать, что этруски жили примерно 25 веков назад. Так что даже если предположить, что это русские, то они говорили на русском языке двадцатипятивековой давности, а не на нашем языке. А разница между нынешним языком и языком, который был двадцать пять веков назад, такова, что вы не узнали бы ни одного слова. (Это отдельный вопрос, откуда лингвисты все-таки имеют понятие о том, как говорили предки русских двадцать пять веков назад. Этого я пока не касаюсь, скажу лишь, что лингвисты этим давно занимаются и по этому поводу кое-что знают.) Ясно, что уже одна эта разница совершенно достаточна, чтобы любая попытка

читать тексты двадцатипятивековой давности с помощью современных слов была абсурдной.

Это просто иллюстрация того, что если не понимать общего принципа, что все языки меняются, то нечего и пытаться угадать что-то такое в истории языков.

Тот факт, что языки меняются, вообще говоря, очень трудно установить, наблюдая самого себя или окружающих за такой короткий срок, как срок человеческой жизни. Короткий, говорю я, потому что для истории языка это пустяк. Да, конечно, для отдельного человека это целый век. А для истории народа или истории языка каких-нибудь 70, 80, даже 100 лет – это совершенно небольшой срок. Действительно, за такой срок вы никаких изменений языка не заметите. Правда, при тонком наблюдении можно всё же кое-что уловить. Вот мы как раз сейчас переживаем такой период, когда можно заметить, что какие-то изменения произошли за последние 20 лет. Появилось немало новых слов, которых ваши родители уже не знают, только от вас могут узнать. И наоборот, вы тоже кое-каких слов не знаете из тех, которые они употребляют. Так что сейчас язык проходит период сравнительно быстрого изменения. Но все равно, даже это быстрое изменение касается все же очень и очень небольшой части русского языка. Скажем, в русской грамматике ничего не изменилось, даже при всех ваших новых словечках, которыми вы можете щеголять. Грамматика остается такой же, какой была 200 лет назад.

Так что маленькое изменение есть, оно достаточно, чтобы сказать, что язык не стоит на месте, но по-настоящему проверить, что язык может превратиться во что-то нам совсем непонятное, мы, конечно, на протяжении собственной жизни не можем. Для этого нужна гораздо бóльшая дистанция. Но когда письменные памятники, хорошая письменная традиция дают нам возможность это изменение пронаблюдать, оно становится очевидным. Например, хорошо известно, что романские языки: французский, итальянский, испанский, румынский – происходят от латыни. Это такой

факт, который, думаю, общеизвестен. Для них для всех сохраняется довольно большое количество письменных памятников, так что можно, начиная примерно с III в. до н. э., и даже немножко раньше, читать подряд тексты вплоть до нашего времени. Сначала это будут латинские тексты, потом позднелатинские, потом, например, раннефранцузские, потом среднефранцузские, потом нынешние французские. Таким образом, получится ровный ряд, где вы увидите непрерывное изменение языка. Современный француз, конечно, может читать тексты двухсотлетней давности, может с некоторым трудом читать тексты четырехсотлетней давности. Но уже для того, чтобы читать тексты тысячелетней давности, ему потребуется специальное обучение. А если еще глубже взять – дойти до латыни, то это для француза будет просто иностранный язык, в котором он ничего понять не сможет, пока специально его не изучит. Так что совершенно очевидно, что на протяжении какого-то числа веков язык может измениться до того, что вы уже решительно ничего не будете из него понимать.

Разные языки изменяются с разной скоростью. Это зависит от многих причин, они еще не все хорошо исследованы. Но одна, по крайней мере, причина лингвистам довольно известна, хотя ясно, что она не единственная. Она состоит в том, что медленно развиваются языки, которые живут в изоляции. Так, Исландия – остров, и исландский язык – один из самых медленно развивающихся из известных нам. Или, скажем, литовцы долгое время жили за непроходимыми лесами, отделенные этими лесами от окружающих народов. И литовский язык – тоже очень медленно развивающийся. Арабский язык долгое время находился в пустыне, отделенный от остального мира непроходимыми песками. И пока он не стал почти всемирным, он развивался очень медленно.

Напротив, языки, которые находятся в контакте друг с другом, развиваются гораздо быстрее. Языки с наиболее быстрым ритмом развития находятся на перекрестках мировых цивилизаций.

Но есть, конечно, и другие причины; лингвисты не всё знают. Они далеко не все еще исследованы. Скажем, русский язык, вообще говоря, относится к сравнительно медленно развивающимся языкам. Разница между русским языком X в. и XX в. гораздо меньше, чем, например, между английским языком этих же веков (или французским). За последнюю тысячу лет английский язык изменился необычайно сильно. Если вы знаете современный английский язык, это почти ничего вам не даст для чтения английского текста X в. Вы там только некоторые слова узнаете, не более того. Смысла текста вы не поймете; этот язык надо изучать как новый иностранный. В отличие от ряда других языков: например, исландский язык очень мало изменился за тысячу лет, литовский мало изменился (правда, для литовского языка мы тысячелетних данных не имеем, но это ясно из других соображений). Так что разница в скорости изменения может быть очень велика.

Единственно, чего не может быть, это языка, который вообще не изменяется. Формула здесь, в общем, очень простая: не изменяются только мертвые языки. Никакой живой язык остаться без изменений не может. Этот жесткий закон ныне лингвистика знает совершенно твердо. Причина состоит в том, что язык – это не готовый предмет, а инструмент, который непрерывно используется. Если язык не используется, он мертвый, он остановился в своем развитии. А именно в силу того, что живой язык используется, в каждом акте его использования происходит какой-то микроскопический сдвиг, толкая его в сторону того или иного изменения. Это такая борьба интересов того, кто говорит, и того, кто слушает. Говоря проще: стремления к экономии со стороны говорящего и стремления к экономии со стороны слушающего. Наконец, совсем просто: борьба лени говорящего и лени слушающего. Говорящему лень произносить все фонемы, все звуки слова один за другим, полностью их артикулируя. И, если условия ему позволяют, он может говорить невнятно, произносить слова едва-едва. Каждый из нас знает, что бывают моменты, когда именно так, невнятно разговаривает с

нами собеседник. Что в этом случае делать? Если вам сколько-нибудь важно понять, что человек сказал, то вы его переспрашиваете. Это и есть акция сопротивления слушающего. Слушающий, в отличие от говорящего, заинтересован в том, чтобы все было сказано внятно, все слова произнесены ясно. И он протестует своим настойчивым переспросом. Или же оказывается, что он неправильно понял, чего хотел говорящий. Так слушающий становится помехой тенденции говорящего сократить, смять слово, произнести его как попало, коротко и невнятно.

Это противостояние вечно, оно заложено в самом механизме языка, и устранить его нельзя. Поэтому язык всегда находится в неустойчивом состоянии. Какая из этих двух сил окажется чуть-чуть сильнее, зависит от очень тонких причин, но всегда происходит какой-то уклон.

Известно, например, что почти все языки, во всяком случае, из известных нам, имеют тенденцию к постепенному сокращению длины слова. Сокращение происходит примерно так. Слова в языке могут оканчиваться по-разному: некоторые на согласный, некоторые на гласный звук. И вот есть много шансов, что слова, которые оканчиваются на гласную, постепенно эту последнюю гласную будут ослаблять, а потом потеряют. В истории языков имеется масса примеров, когда слово имело конечную гласную, а теперь не имеет. Русский язык не исключение. Например, хорошо известно, что всякое нынешнее *сь* в древности было *ся*: *я боюсь*, *я держусь*, *вы купаетесь* и т.д. Сейчас нет конечной гласной, сейчас вы говорите: *я боюсь*.

Есть и другие примеры. Какое-нибудь русское *же*. Как известно, в современном русском языке можно говорить и без *е*: вместо *ты же это сказал* возможно *ты ж это сказал*. Это тот же самый эффект.

Возьмем другой язык. Если вы занимались французским, то знаете, что там бывает *e muet* на конце слов. Оно пишется, но оно *muet*, т. е. не произносится. А когда-то произносилось. Во французском языке везде, где в современном языке на конце слов пишется *e*, именно так и читалось: [porte],

[roze]. А сейчас читается [port], [roz], с потерей конечной гласной. И такие примеры можно привести чуть ли не из любого языка.

Дальше вполне может оказаться, что если в языке много слов кончается на согласный звук, то начнут теряться конечные согласные. Примером тому отлично служит тот же французский язык. Тот, кто учит французский, знает, что конечные согласные не читаются. А эти конечные согласные суть не что иное, как запись произношения примерно пятисот-, семисот-, восьмисотлетней давности. Какое-нибудь французское *fort* [for] это старое [fort], где [t] утрачено. Французское *gens* [žã] – это старофранцузское [žens], где все читалось так же, как писалось. Постепенно появлялось новое произношение, какие-то звуки терялись – а орфография сохранялась, поскольку орфография традиционна.

Возьмем, например, латинское слово *digitum*. Ну, поскольку вы такие образованные, то скажите мне, что это значит.

– Число.

– А, это потому, что есть современное слово *digital*? Ну да, конечно. Но это очень позднее значение слова.

– Палец.

– Правильно, это *палец*. Совершенно точно. Я взял это слово не в именительном падеже, в именительном оно будет *digitus*, а в латинском винительном падеже, потому что именно винительный падеж послужил основой для всего дальнейшего развития в романских языках. Посмотрим, что с этим *digitum* постепенно происходило? Я выпишу на доске, как оно менялось с ходом времени.

Итак, *digitum* – это нормальная форма, скажем, эпохи Юлия Цезаря.

Но в народе в эту эпоху, уже во времена Юлия Цезаря, могли произносить вот так: *digitu*. Классический пример потери конечной согласной. Встречался, вообще говоря, даже в эпоху классической латыни, но в качестве вульгаризма, непрестижного уличного произношения. Но, как

известно, это уже залог будущего изменения, чаще всего со временем так и будет.

Еще позже, уже на территории будущей Франции мы видим вот такую форму: *digtu*. В слове *digitu* ударение на первом слоге. И вот теряется безударная гласная между двумя согласными. Вместо *digitu* просто *digtu*, правда с сохранением некоторой мягкости в этом *dig*, мягкости такого почти русского типа, которая превращает слово вот во что: *dijtu*. То есть следующий ход – это изменение мягкого *g* в *j*: *dijtu*.

Дальше с этим *dijtu* происходит то, о чем мы говорили: конечная гласная долго не живет, получается *dijt*. Это следующее изменение.

Дальше это *dijt* по некоторым другим правилам, уже не столь легко объяснимым в рамках краткой лекции, превращается в нечто с гласной, несколько более широкой: *dejt*.

Следующая фаза: вместо *ej* получается дифтонг *ei*: *deit*.

Следующая фаза состоит в том, что вместо этого *e* возникает звук типа *ø*: *døit*. Что-то типа немецкого *deutsch*. Всё это примерно вторая половина первого тысячелетия нашей эры, какие-нибудь V-IX вв. Мы уже находимся в сфере не латыни, а раннего этапа французского языка. Латынь – примерно до этапа *digtu*. Такую латынь называют «вульгарной», т. е. народной. Один из вариантов народной латыни – это уже начало старофранцузского языка.

На следующем этапе *ø* превращается в нормальное *o*, т.е. получается *doit*. Здесь мы приближаемся к X в., к эпохе *Песни о Роланде*.

Дальше происходит то, что в составе дифтонга звук *i* изменяется в звук типа *e*: *dóet*. Но ударение здесь все еще сохраняется старое, на первом слоге.

На следующем шагу меняется ударение. В соответствии с общей французской тенденцией оно становится вот таким: *doét*.

После этого происходит некоторое изменение звука *o* в родственный звук *u*, и получается вот такое произношение: *duét*.

Следующий шаг: теряется слоговой характер этого *u*, то есть получается *dwet*.

Страшно, да, что такое количество изменений происходит? А мы еще далеко от современного французского языка. Все это время живет *t*, но оно, конечно, не жилец. Следующий шаг такой: *dwe*.

И, наконец, последний шаг фиксируется, с точки зрения лингвистики, уже вчера, в эпоху предпушкинскую. В конце XVIII – начале XIX в. еще можно было говорить *dwe*, хотя это уже звучало немножко старомодно. На улицах уже говорили *dwa*. И точно так же можно было говорить: *Vive le [rwe]*! «Да здравствует король!»; и это было очень изысканно. А *Vive le [rwa]*! в это время говорили на улице. И это уже и есть современное французское произношение.

А как это [*dwa*] записывается, помните? Записывается это, заметьте, так, как никогда не произносилось: *doigt*. Больше всего это похоже на хронологический уровень примерно X века: *doit*. А как вы думаете, откуда взялось здесь *g*? Это действительно трудно вообразить. Конечно, прежде писали без всякого *g*, но умники и знатоки стыдились того, что французский язык потерял замечательное латинское *g* в слове *digitum*, и вот его вставили в письменную форму слова. Это никогда ничему не соответствовало, потому что звук *g* был потерян десять ходов назад. Вот такое маленькое чудо.

Я привел вам иллюстрацию того, что нужно, чтобы проследить путь от латыни к французскому языку. Всего две тысячи лет, даже, собственно говоря, меньше. Еще в первые века нашей эры в хорошем произношении могло сохраняться *digitum*.

Такие вещи умеет делать серьезная историческая лингвистика для истории самых разных языков. Такие языки, как французский, обслужены очень хорошо. Всё это исследовано в деталях для каждого типа звуковых сочетаний. Для французского языка современная историческая лингвистика прекрасно может для любого слова, если оно восходит к латыни, проследить всю его историю, подобно той, которую я вам показал на отдельном примере.

В то небольшое время, за которое я должен вам что-то рассказать, я могу только попробовать создать у вас самое общее впечатление об

исторической лингвистике. Настоящий рассказ об этой науке требовал бы, конечно, целой серии сюжетов, каждый из которых заслуживал бы доброй лекции или более того. Пока что, к сожалению, лишь очень конспективно общие идеи.

Как видите, в истории каждого языка можно проследить последовательные изменения единиц, а именно слов, от древнего состояния к новому. В нашем примере мы имели дело со счастливым случаем, когда все это довольно хорошо фиксируется письменностью. Правда, не так буквально, как написано на доске, – ведь я написал всё это не в орфографии, а в фонетической транскрипции. На самом деле для того, чтобы проанализировать то, что имеется в рукописях, нужна специальная практика и специальная дисциплина. Но, тем не менее, в данном случае это счастливый вариант: мы и древние слова (латинские) видели записанными, и те, что были в промежуточные периоды, известны по памятникам. Для случаев, когда такой письменной традиции нет, ситуация гораздо сложнее. И тем не менее, в принципе и в этих случаях лингвистика умеет достигать результатов такого же типа – может быть, менее гарантированных, но находящихся в том же методологическом ключе.

Что здесь главное? Помимо самого принципа, что язык всегда меняется, имеется следующий, второй принцип, который, к сожалению, я не имею сейчас возможности изложить вам подробно, но который, однако же, очень настойчиво сформулирую. Принцип этот состоит в так называемой регулярности фонетических изменений. Это великое открытие лингвистики XIX века. Собственно оно и считается началом научной лингвистики как таковой. Про какие-то другие разделы лингвистики можно сказать, что они возникли раньше, но историческая лингвистика существует именно с первой четверти XIX века. Обычно основоположниками ее называют двух ученых: немецкого лингвиста Франца Боппа и датского лингвиста Расмуса Кристиана Раска. Но на самом деле, целая группа ученых способствовала получению первых выводов исторической лингвистики.

Главный из них состоит в том, что изменения, примером которых является любой переход от одного этапа к следующему в разобранной нами эволюции слова *digitum*, обладают замечательным фундаментальным (и неожиданным для человечества) свойством: они обязательны для данного языка в данную эпоху его развития. Это значит, что если у вас на каком-нибудь этапе развития, допустим, *deit* переходит в *døit*, то и какой-нибудь *reik* непременно переходит в *røik*, *peis* переходит в *pøis* и т.д. Решительно во всех случаях, когда в слове имеется сочетание такого же типа, эффект будет такой же. Понятно, что на этом полностью отменяется наивное любительское представление, что любой звук в любом слове может случайно перейти в какой-то другой. Нет никакой случайности в языке.

Это и есть основа для исторического языкознания как научной дисциплины, а не просто как гадания. Удалось установить, что в отдельном слове индивидуального перехода, даже самого простого, допустим, перехода *o* в *a*, не обнаруживается практически никогда. Не бывает такого, чтобы в одном слове это произошло, а больше нигде не происходило; скажем, было произношение *сОбака*, а стало *сАбака* – именно в этом слове. Переход осуществляется таким образом, что безударное *o* в русском языке такого-то времени в любом слове, где оно имеется, будет произноситься уже не как *o*, а как *a*. Именно это утверждение: **в любом слове, где имеется такая-то фонема или такое-то сочетание фонем, произойдет такое-то изменение,** – и есть фундаментальный принцип исторической лингвистики. Его открытие было громадным скачком, примерно таким же по значимости, как открытие периодической системы элементов для химии, закона тяготения для физики и т.д. На этом принципе основаны все исследования предшествующих состояний языков.

Изучены все ситуации, где возникают кажущиеся отклонения, как бы исключения из принципа регулярности фонетических изменений. За недостатком времени я не имею возможности дать подробный разбор примеров. Скажу только, что много раз повторялась следующая ситуация.

Формулировалось некоторое правило, допустим, что в таком-то языке в таком-то веке всякое *b* переходит в *p*. Такое изменение в нем систематически наблюдалось. И вдруг выяснялось, что есть какие-то слова, где *b* не перешло в *p*, то есть имеются исключения из сформулированного закона. Это выглядит как нарушение главного, фундаментального принципа, и, следовательно, ставится под сомнение сам принцип.

И вот что мы видим: много раз происходило следующее. Наступала новая фаза изучения предмета, включались другие лингвисты, глубже исследовался соответствующий материал, и оказывалось, что те исключения, где общее правило почему-то дает «неправильный» результат, подчиняются некоторому другому, более частному правилу. То есть, попросту говоря, выяснялось, что они являются не исключениями, а следствиями некоторого ранее неизвестного дополнительного правила.

Ну вот, может быть, один пример я все-таки укажу, чтобы какие-то имена звучали. Переход *p* в *f*, переход *t* в *th*, переход *k* в *h* – это так называемое германское передвижение согласных. Этому изменению подверглись согласные праиндоевропейского языка при переходе в прагерманский язык, предок всех современных германских языков. Германское передвижение согласных открыли уже основоположники исторической лингвистики. Иначе это изменение (*p* в *f*, *t* в *th*, *k* в *h*) называется законом Гримма, по имени одного из открывших его ученых. Другим лингвистом, независимо установившим эту закономерность, был Расмус Раск. А Гримм – это не кто иной, как Якоб Гримм, один из авторов, наверное, известных вам сказок братьев Гримм. Так что это были такие замечательные люди, которые могли и сказки вечно живущие записывать и придумывать, и быть великими лингвистами. Точнее, великим лингвистом был один из братьев – Якоб Гримм.

Так вот из закона Гримма всё же наблюдались исключения, что делало его как бы не вполне надежным. Например, в каких-то случаях *p* давало не *f*, а некоторый другой результат. И вот примерно через 40 лет после открытия

Гримма появилось исследование другого немецкого лингвиста Карла Вернера, которому он дал очень характерное название: «Об одном исключении из закона Гримма». Вернер нашел правило, которому подчиняются наблюдаемые исключения, т.е. оказалось, что это вовсе не исключения. На самом деле, то, будут ли переходы подчиняться непосредственно закону Гримма или закону Гримма с поправкой, зависит от того, какое ударение было в древнем слове. А до Вернера вообще не предполагали, что в германских языках когда бы то ни было имелось разноместное ударение в словах. Но сопоставление с ударением греческого языка и санскрита показало исследователю, что именно этим объясняются все отклонения от закона Гримма. Теперь правило, которое открыл Карл Вернер, называется законом Вернера. Его знают все студенты филологических факультетов, они должны сдавать его на экзамене.

Вот типичный пример того, как развивалось знание, как укреплялось представление о том, что фонетические законы действуют регулярно. Современная лингвистика твердо на этом стоит. Все нынешние достижения основаны на том, что это правило действует безупречно.

К сожалению, большего я вам, наверное, рассказать не смогу. Общая картина выглядит следующим образом. Для каждого языка может быть установлено, как он развивался во времени. Для исследованных языков это уже установлено, для очень большого количества неисследованных языков лингвистам еще предстоит это сделать. Языков в мире около 6000, хорошо исследована история, может быть, одной тысячной их части. Ну, больше немножко, несколько тысячных частей, но до процента вряд ли дотянет. Процент составлял бы 60 языков, а, я думаю, пока еще нет 60 языков, хорошо обслуженных с точки зрения их истории. Ну, пусть будет по оптимистическому счету – один процент. Остальная работа лингвистам еще предстоит.

Так или иначе, у каждого языка имеется история, и с фонетической точки зрения она представляет собой длинную цепь переходов, каждый из

которых обязательен. Если какие-то вещи сначала кажутся исключениями, то потом находятся правила, которые этими исключениями управляют, которые превращают их из исключений в действие более частного правила. И тут уже мне остается только лозунгово объявить вам, что это ключ к тому, чтобы сравнивать между собой родственные языки. В каждом из родственных языков есть своя цепь переходов. Например, между французским языком и итальянским разница состоит в том, что во французском очень длинная цепь переходов, а в итальянском – гораздо более короткая. Итальянский язык развивался намного медленнее, чем французский; французский – один из быстро развивающихся языков. Видите, как он скомкал слово *digitum* до *doigt*. Может быть, кто-нибудь вспомнит, как по-итальянски *pалец*, раз вы такие продвинутые? В итальянском языке это *dito*. На нашей цепи переходов это соответствует примерно уровню *dijtu*. Видите, как рано здесь язык остановился. Чуть-чуть продвинуться от этого *dijtu*, и будет нынешнее итальянское слово. Здесь даже не потеряна последняя гласная, произошло лишь упрощение *dijtu* в *dito*.

Сравнивая родственные языки, мы получаем ключ к выявлению системы переходов в каждом из этих языков. Возникает целая дисциплина (рассказывать о ней – отдельная тема), позволяющая путем сравнения родственных языков получать сведения о том, каковы были их прежние состояния. Причем эту технику можно применять даже тогда, когда мы не имеем сведений о соответствующем древнем языке (в отличие от нашего примера с французским и итальянским языками, когда их предок – латынь – нам из текстов хорошо известен). Например, сравнивая английский язык с немецким, шведским, датским, норвежским и исландским, мы можем получать сведения о том, каков был их общий предок – прагерманский язык. Сравнивая славянские языки (русский, польский, чешский, болгарский, сербский, словенский и т.д.), мы можем получать сведения о том, каков был их предок – праславянский язык.

За последние двести лет разработана целая лингвистическая техника, которая позволяет устанавливать, каков был язык-предок. Чем ближе к нам время, язык которого изучается, тем знание полнее. Для более отдаленных эпох такое восстановление, естественно, касается значительно меньшего числа элементов. Так или иначе, мы можем очень далеко проникать в глубь времен.

И сейчас есть уже безумно смелые попытки получить сведения о первоначальном состоянии языка при его возникновении. Пока еще они находятся на уровне дерзких человеческих мечтаний, однако сама задача уже поставлена. Возможно это или нет – пока вопрос остается открытым. Сама же идея моногенеза, т.е. единого происхождения всех языков и ветвлений из какой-то одной первоначальной точки, не является безумной. Она сейчас очень активно обсуждается.

На этом я закончу.

И.И. Иткин: Пожалуйста, вопросы Андрею Анатольевичу.

А.А. Зализняк: Да, давайте.

Женя Милославский (6 класс): У меня вопрос, а может быть так, что все языки образовались от языка какого-то одного племени? Например, пришло какое-то племя, другое захватило, и все стали говорить одинаково...

А.А. Зализняк: Понимаю тебя, да. Ну, наверное, если правильна гипотеза, которую я назвал гипотезой моногенеза языков, т.е. единого происхождения всех языков, то примерно так эту картину и надо себе представить. С одним только маленьким неудобством, что это нужно отнести ко времени, когда человек происходил из обезьяны, а не на какое-нибудь пустяковое расстояние в две тысячи лет. Не говоря уже о том, что когда вам какой-нибудь совершенный фантаст пишет, что он пришел к выводу, будто все языки произошли из русского (к сожалению, увы, я это читал своими глазами), то это полная чепуха априорно. Но в принципе такая схема может быть.

Почему может быть иначе? Только если представить себе, что когда человек формировался, в разных местах земного шара возникли разные языки. Это не исключено, может быть и такое. Тогда это называется полигенез. Но если имело место происхождение языка в одном месте, как это сейчас некоторые лингвисты предполагают, то картина примерно та, которую ты описываешь: у некоторого племени, очень маленького, первоначально совсем, наверное, немногочисленного, возник язык. Потом происходило всё это ветвление. Но, повторяю, это безумно далеко от нашего времени! Причем наше время это не какие-нибудь сто лет, или даже четыре тысячи лет.

Женя: Ну, от русского языка фактически ничего не могло произойти, так как русский язык сам произошёл от греческого.

А.А. Зализняк: Нет, от греческого русский не произошёл. Греческий и русский произошли от общего предка, но не один от другого.

Д.А. Ермольцев (учитель истории и зарубежной литературы): Свою замечательную лекцию Вы начали с некоторых сетований о том, как мало у публики представлений обо всех этих вещах, как мало знаний со школы, с детства. И тут же в очень популярной форме, очень просто, очевидно и быстро некоторые важные вещи разъяснили.

Вопрос в следующем. Почему бы лично Вам, например, или кому-то из Ваших коллег не написать умную, но очень простую и популярную книжку для детей? У нас есть замечательные примеры: «Занимательная Греция» М.Л. Гаспарова, специальные книжечки серии Л.Е. Улицкой: про еду, про костюм и т.д., где специалисты писали на очень простом живом языке.

А.А. Зализняк: Да, я читал эти книжечки...

Д.А. Ермольцев: С элементами этнографии, социологии...

А.А. Зализняк: Да, хорошие книжечки...

Д.А. Ермольцев: Было бы очень славно написать такую книжку про языки, чтобы искоренять предрассудки и дурацкие мифы. И у нас у всех было бы гораздо меньше затруднений.

А.А. Зализняк: Спасибо, как говорится, за пожелание. Такие вещи по заказу не делаются. Нужно сочетание целого ряда обстоятельств: умения, выделения соответствующего времени из других занятий и много чего еще.

Д.А. Ермольцев: Меньше поводов было бы для сетований.

А.А. Зализняк: Я понимаю Вас. Но я считаю, что в какой-то мере делаю что-то подобное. Правда, не в форме таких книжек, о которых вы говорили, а в более скромном виде более коротких текстов. Но я считаю Ваше пожелание очень правильным. И я бы с удовольствием узнал, что мои более молодые коллеги сделали что-то подобное. Тут полезно, конечно, иметь впереди большой запас жизни. Так что в принципе, я думаю, что это как-то исполнится. Не думаю, что моими руками, хотя я стараюсь делать немного похожие вещи. В принципе, конечно, ваша мысль правильная.

Е.И. Лебедева (учитель истории): Андрей Анатольевич, скажите что-нибудь о книге В.А. Плунгяна про языки.

А.А. Зализняк: Это замечательная книга. Всем ее рекомендую. Плунгян ведь не только лингвист, причем лингвист прекрасный, но и преподаватель, который умеет материал замечательно доносить. Так что эта книга написана очень хорошо.

В.В. Луховицкий (учитель русского языка, школа «Интеллектуал»): Вы в самом начале сказали, что в школьной программе почти ничего по исторической лингвистике нет. У меня, как у учителя русского языка, наоборот, ощущение такое, что в наших обычных школьных учебниках, к сожалению, очень много будто бы исторической информации...

А.А. Зализняк: О да, согласен.

В.В. Луховицкий: Не выделена история языка, не разделена синхрония и диахрония. И самое главное, что представляют собой олимпиадные задания по русскому языку? В основном это вопросы по истории языка, причем сформулированные подчас не очень корректно. А откуда дети об этом могут узнать? Так вот не кажется ли вам, что необходимо делать некий

специальный курс истории языка или, наоборот, в школе надо изучать только современное состояние языка?

А.А. Зализняк: Я не знаю, у меня нет на этот счет какой-нибудь далеко идущей концепции, поскольку я всегда был далек от этих проблем. Мне скорее кажется, что специальный курс – это было бы слишком много. Достаточно, мне кажется, было бы давать какие-то сведения вместе с курсом русского языка. Но то, что я видел в учебниках, соответствует тому, что вы сказали. Не просто неуместно дается материал, а еще и, кроме всего прочего, с ошибками, иногда просто безобразными ошибками. Откуда-то такие авторы слышали о том, что надо давать исторические сведения. И сами, по-видимому, не очень хорошо в них ориентируясь, всаживают глупости в учебники. Я наткнулся на пару примеров, которые меня очень сильно возмутили. Я не проверял всех учебников. Но если делать так, то, конечно, лучше ничего, бесспорно.

Наверное, можно было бы внести в учебники какие-то главы типа того рассказа, который я пытался сегодня предложить. Без нелепого настаивания на том, чтобы ученик знал какую-нибудь конкретную вещь из истории древнерусского языка. Это должно быть только приглашение понимать саму проблему, саму механику. А если речь идет о том, чтобы знать конкретно, тогда уж нужно конкретное изучение, но не в рамках курса современного языка. Вот примерно такое у меня представление, но, к сожалению, я не занимался этим вопросом.

В.В. Луховицкий: Еще одна информация. Есть замечательная статья А.А. Зализняка с анализом фоменковских построений. Она семиклассниками воспринимается на ура. В ней можно брать как раз тот популярный материал, которого нам не хватает. Могу всем желающим прислать.

П.А. Егорова (психолог): На протяжении истории языка меняется произношение. Возникает вопрос, почему написание отстаёт? Почему орфография не меняется? Меня интересует ситуация в испанском языке. Там ведь тоже все менялось?

А.А. Зализняк: Конечно: все европейские языки менялись. В испанском языке произошло оглушение согласных после того, как орфография остановилась. Ну, про английский язык нечего говорить. В отношении современной орфографии английского, французского, испанского можно указать примерное время, когда все читалось так, как сейчас пишется. Немножко условно, но тем не менее. В английском языке можно себе представить, что слово *business* читалось как *бусинес* и т.д.

Кстати, по этому поводу: замечательно, что тот же Фоменко постоянно оперирует словом *Рашиа* с твердой уверенностью, что так говорили всегда. Это уже почти стало молодежным жаргоном называть Россию *Рашиа*, *нашиа Рашиа*. А между тем, совсем недавно, в XVI в., по-английски слово *Russia* еще произносилось *Русиа*. Для языка это совсем недавно – конечно, не в том смысле, в каком мы говорим про наши жизненные дела. Дело все в том же консерватизме орфографии.

По-видимому, это составляло общий элемент социо-культурного развития Европы. В некоторый момент, когда возникла, кроме всего прочего, идея ценности древности – латинской древности, если говорить конкретно, – появилось ощущение, что каждое следующее удаление в написании от первоначального варианта вслед за грубым уличным произношением есть недопустимая порча святой традиции. Это чисто социальное явление. В другие эпохи этого не было. Во второй половине I тысячелетия еще не дошли до этой идеи и писали, как произносили.

Лингвисты знают это замечательное явление. Есть эпохи, когда общество легко допускает фонетическую запись, а есть эпохи, когда наступает твердое желание установить незыблемое написание. Причем совершенно неважно, что оно при этом далеко уходит от произношения. Мы сейчас считаем, что наша реформа орфографии была ориентирована на то, чтобы писать было удобнее и легче. Но вовсе неверно думать, что человечество всегда так относилось к письму. Существовали целые большие эпохи и общества, в которых требовалось, чтоб писать и читать было трудно,

где в письме было чрезвычайно много совершенно, с нашей точки зрения, бессмысленных затруднений. Скажем, шесть разных способов написания одной и той же фонемы, условные буквы и т.д., которые делали грамотность в высшей степени трудной и одновременно невероятно престижной ввиду своей трудности. Писец в Египте был человеком близким к священности, оттого, какие немислимые вещи он знал и мог писать. И подобная тенденция существовала в самых разных обществах. Не хотим писать просто, хотим писать так, чтобы нас уважали! Понимаете? И вот, когда побеждает такая тенденция, орфография останавливается. Это и произошло в разных странах Европы.

Лиза Щеголькова (7 класс): Я хотела спросить про слово *палец*. Последняя форма этого слова: *dwa*. А рядом что написано?

А.А. Зализняк: Это орфография, современная французская орфография. Вот, кстати, во французской орфографии такой замечательный парадокс. Почему если писать *oi*, то это будет читаться *wa*? Потому что некогда нормальное *oi*, во всех словах, а вовсе не только в слове *палец*, прошло тот путь, который я описал. Точно так же какое-нибудь слово *король* когда-то произносилось *рой*.

Любопытная вещь, кстати, состоит в том, что примерно в это время, в 1066 г., норманны захватили Англию. Битва при Гастингсе – может быть, вы это изучали. Устанавливается норманнское владычество в Англии, и начинается сильное влияние французского языка на английский. Из французского языка в английский приходит масса слов. Замечательно при этом, что захватчики-норманны вовсе не французы. По происхождению они норвежцы, но уже потерявшие свой норвежский язык и уже говорящие по-французски. Так что, сохраняя имя норманнов, они приносят в Британию французский язык. И вот масса заимствований, которая происходит в это время, обладает тем замечательным свойством, что сохраняет французское произношение этой эпохи. Например, кто помнит, как будет *вице-король* по-английски? *Viceroy*, которое произносится *вайсрой* – и нет здесь никакого

изменения *рой* в *руа*. Есть и масса других английских слов, которые обладают фонетикой французского языка X, XI, XII вв. Скажем, по-французски как будет *стул*?

– *Chaise*.

– А по-английски?

– *Chair*.

– Так вот к вам вопрос: как был *стул* по-французски в XII в.?

– *Чайзе* какое-нибудь.

– *Чайзе* (точнее, даже *чайре*, но сейчас речь не об *р* и *з*). Известно, что французское *ch* (=ш) – это результат перехода *ч* в *ш* примерно в то же время. А англичане это *ч* сохранили и запечатлели то, что заимствовали. В английском языке не произошло изменения в *ш*, а осталось *chair*. И так решительно во всех заимствованиях.

Д.А. Ермольцев: Когда этот переход произошел у французов?

А.А. Зализняк: Я боюсь вам точно назвать век, но где-то между X и XII вв., я думаю. Могу посмотреть.

Д.А. Ермольцев: Карла-то они как звали? Карла Великого?

А.А. Зализняк: *Чарлес*, конечно. *Чарлес*, без всякого сомнения. Карл Великий, бесспорно, был *Чарлес*.

Д.А. Ермольцев: То есть король Чарльз английский – это французская форма?

А.А. Зализняк: Конечно. Карл Великий был *Чарлес Мань*, именно так. Правильно, совершенно точно: английское Чарльз, включая *з*, совершенно всё сохранило. Всякий знает, что во французском языке конечное *s* не читается. Это сейчас. Но оно читалось в слове *Charles* (=Чарлес), что и сохранил английский язык. Именно так.

Это вообще довольно любопытная вещь, что заимствования в другой язык могут быть бесценным подарком для историка языка. Например, финский язык – один из языков очень медленно изменяющихся, еще гораздо медленнее, чем русский. Но главное даже не в том, что медленно, а в том, что

совершенно по-своему. Один язык меняет одно, другой – совершенно другое. Вот смотрите, как французский язык смял исконное слово *digitum* – в нем почти ничего не осталось. Все, кроме звука *d*, новое. А другой язык может быть таким, что в нем не сохранится начальный звук, а все остальное может очень хорошо сохраниться. Такие вещи лингвистами очень внимательно изучаются.

Возьмем для русского языка какое-нибудь слово *толокно*. Я не уверен, что вы знаете, что это такое, но такое слово есть. Сложными вычислениями современная историческая лингвистика приходит к выводу, что исконная форма была не такая, как сейчас, а вот такая: *tolkuno*. После *k* была гласная – краткое *u*. Не очень сильное отличие от современной формы, но тем не менее отличие. Это знание достигается методом сравнения разных славянских языков и вообще совокупностью методов сравнительного языкознания. А с другой стороны, в финском языке существует заимствование из этого слова, которое попало в этот язык не позже X века, а скорее раньше. Звучит оно так: *talkkuna*. Конечно, нельзя сказать, что оно в точности соответствует древнему славянскому слову. Скажем, *kk* – это такой особый финский эффект, о котором известно, что это правильное соответствие для простого *k*. Зато смотрите. Звук, который славяне записывали как *o*, некогда был похож на *a*; это было что-то среднее между *o* и *a*. В финском слове – просто *a*. И теперь смотрите: в реконструкции у нас *тол*, и здесь *тал*; в реконструкции есть гласная *u*, и здесь есть гласная *u*. То есть, попросту говоря, финский язык как в консервной банке сохранил русское произношение X века.

Для историка языка такие вещи необычайно ценны. Соседний язык, сам по себе может иметь много особенностей; например, вот это двойное *kk* вместо простого – это финский эффект, и мы знаем, что надо сделать скидку на эту особенность. В финском языке какие-то свои изменения происходили, но не такие, как в русском. А вот это осталось в чистом виде.

И английский язык точно так же сохранил старое французское произношение, притом, что, казалось бы, там чудовищные произошли

изменения. Но не всё изменилось. Вот у англичан осталось *ч*, которое французы не сохранили. Чуть ли не всё остальное в английском языке испытало сложные изменения, гласные там произносятся совершенно невероятным с точки зрения остальной Европы способом, *р* пропало, и прочее и прочее. А вот *ч* осталось. В отличие от французского языка, где происходил свой процесс изменений. Это такой приятный пример того, как контакты языков могут быть необычайно ценны для историка языка.

Старшеклассник-гость: А вот каково происхождение слова *швабра*? Давно меня интересовало, скажу честно.

А.А. Зализняк: Я точно не помню, но, если не ошибаюсь, это просто заимствование из немецкого. По структуре очень похоже на немецкое заимствование.

Ярослав Пилецкий (10 класс): Во что еще может перейти слово *doigt*, которое на доске написано?

А.А. Зализняк: Во что еще может перейти? Это вопрос для лингвистов очень волнующий: может ли наука сказать, что дальше случится. Общий ответ состоит в следующем.

Можно, действительно, перечислить возможности, которые в подобных случаях осуществляются с некоторой вероятностью. Теперь, когда собран материал по большому числу языков мира, можно посчитать, где когда было *ya* и во что оно перешло. Это первая сторона дела. И тогда мы можем сказать, что если не будет какого-то специального выламывания из общей статистики, то будет либо одно, либо другое, либо третье. А вторая сторона – произойдет это или нет. На второй вопрос лингвисты не умеют отвечать. Это пока невозможно. Больше того, есть теория, очень сильная своей негативной стороной, что это так же непредсказуемо, как то, где произойдет землетрясение, или произойдет или не произойдет некоторая мутация в биологии.

Так что, действительно, вопрос о том, когда некоторое вероятное событие наступит или не наступит, пока что лингвисты решать не умеют. А

перечислить, во что это может перейти, – это возможно. Такие вещи как *ya* имеют склонность объединяться во что-то среднее типа *o*, например. Так что переход *ya* в *o* достаточно вероятен. Возможны и какие-то другие варианты. Кроме того, если быть совсем аккуратным, то ответ должен даваться не относительно произвольного *ya* вообще, а для данного языка. В рамках французского языка перехода *ya* в *o* не стоит ждать, поскольку французский язык в основном характеризуется обратным движением. Вообще в разных языках имеются некоторые не очень точно определяемые тенденции самого общего характера в том, в какую сторону произойдут изменения. В данном случае такое слияние *y* и *a* не очень вероятно. Для какого-нибудь языка типа арабского – может быть.

Илья Лебедев (студент-биолог): А вот язык, который существовал в древнем Египте, как он изменялся от начала до конца?

А.А. Зализняк: Понимаете, там много специфических трудностей, поскольку там же не фонетическая запись, а практически консонантическая. Сейчас, когда мы говорим *Нефертити*, *Ра* и т.д., это на самом деле не *Нефертити* и не *Ра*.

Кстати, этот самый слог *ra* как имя бога Ра уже неоднократно использовался для современных российских выдумок: это имя бога, дескать, представлено то в слове *разум*, то в слове *радуга*, то еще где-то. В древнеегипетском имя бога Ра в действительности скорее всего звучало как *рэ*'. Реально для этого имени известны согласная *p* и согласная «гортанный взрыв». Чисто условно это передается как *ra*. Имя Нефертити скорее всего произносилась как *нофретет*. Так что фонетическая история египетского языка затруднена, потому что гласные не записываются. Согласные, которые можно проследить, мало меняются, они достаточно устойчивы. У египетского языка был наследник: коптский язык. Собственно говоря, все те гласные, которые восстанавливаются, получены методом некоторой экстраполяции из коптского. Коптский язык уже записывается нормально, со всеми гласными. Но он существовал позже, там огромные временные

дистанции, поэтому конкретно для египетского языка фонетику в полном виде восстановить невозможно, только гипотетически. Согласные вроде бы – я не очень много об этом знаю, поэтому говорю довольно приблизительно – как будто бы за все время существования языка изменялись мало. Но семито-хамитские согласные вообще вещь устойчивая.

М.В. Белькевич (художник, учитель мировой художественной культуры): А можно предположить, какие мутации и изменения будут в русском языке, когда наши внуки будут?

А.А. Зализняк: Да, я понимаю, это такое интересное занятие. Вообще-то есть метод, который позволяет до какой-то степени об этом судить. Конечно, он работает на уровне конкретной проблемы, скажем, склонения существительных или даже конкретного склонения, какого-нибудь сочетания, или синтаксического явления. Берете его в современном языке и смóтрите, как оно выглядит сейчас. Берете историю русского языка за последние тысячу лет, памятники есть, можно поработать. И смóтрите, какой получается вектор изменения от X к XX вв. Максимальная вероятность состоит в том, что он продолжится и дальше. Поэтому кое-что я вам могу сказать на основании вот такого рассуждения.

М.В. Белькевич: А можно привести пример изменения какого-нибудь слова. Вы нам из французского пример дали, а можно из русского?

А.А. Зализняк: Про слово это как раз вещь ненадежная, потому что слово – это единичный объект. На основе единичного объекта обобщение невозможно, про единичный объект будут самые ненадежные высказывания. Более надежные высказывания будут про массовые вещи, когда имеются некоторые грамматические линии, в которых участвуют сотни, скажем, слов. Тогда вы действительно можете почувствовать какую-то статистику.

Вот, например, вещь, которая понятна. Если взять дистанцию в тысячу лет для употребления кратких и полных прилагательных, это уже задача разумная, потому что их много, у вас будет большой материал. И тут окажется, что в древнерусском языке в позиции сказуемого у вас не может

быть полного прилагательного. Такое положение выявляется совершенно отчетливо. Вы не можете сказать: *он храбрый*. Вы можете только сказать: *он храбр*, или: *он был храбр*, *он был смел*, *он талантлив* и т.д. На протяжении тысячи лет в некоторых случаях начинают появляться фразы, когда употребляется полное прилагательное, например, *он безрассудный*. Ближе к нашему времени таких сочетаний становится существенно больше. Сейчас в некоторых случаях, если употребить прилагательное в краткой форме, это будет звучать слишком литературно. Например, как сказать: *он горд* или *он гордый*? Что вы чаще скажете? *Он спокоен* или *он спокойный*? Ну, в данном случае есть некоторая разница смысла. Но совершенно ясно, что современный язык уже довольно свободно употребляет формы типа *он гордый*, *он непокорный* и т.д. Таким образом, вектор показывает, что если вы возьмете еще, нет, не двадцать и даже не пятьдесят лет – для нас это ноль, а если вы возьмете ближайшие лет триста, то всего вероятнее, что эта тенденция продолжится. Краткие формы будут употребляться все реже и реже. Господствовать будет полная форма. Больше того, была даже такая идея, что краткие формы исчезнут вовсе. Я даже пытался сам проверять такую гипотезу, что не будет в русском языке кратких форм вообще, что совсем не будут говорить *чашка полна*, *она смела* и т.п., а будут говорить *чашка полная*, *она смелая* и никак иначе. Вроде бы сейчас дело идет к этому. И вот оказалось, что нет, ситуация не такая прямолинейная. Неверно, что все вообще краткие формы со временем исчезают. Оказывается, они не исчезают, если они чем-нибудь управляют. Скажем, фраза типа *Он полон энергии*; здесь нет возможности превратить краткое прилагательное в полное. *Эта страна богата нефтью* – нельзя сказать *богатая*. Оказалось, что те прилагательные, которые имеют при себе подчиненные члены, сохраняют краткую форму вопреки общей тенденции. Таким образом, картина такая: через триста лет, вероятно, все будут говорить: *она смелая*. Если кто-то скажет: *она смела*, над ним посмеются: «Ты свалился нам на голову из XX века». А вот в оборотах типа *богата нефтью* останется краткая форма прилагательного. Так что кое-

что мы знаем. Но нельзя сказать, что лингвисты по этому поводу уже много поработали.

И.Б. Иткин: Ну, давайте зададим Андрею Анатольевичу последний вопрос. Только не про швабру...

А.А. Зализняк: А почему не про швабру?..

И.Б. Иткин: В словаре можно посмотреть. Про это не только Вы знаете, Андрей Анатольевич.

Е.В. Падучева: А можно привести примеры слов, которые подчиняются закону Гримма, и исключений, которые подчиняются закону Вернера?

А.А. Зализняк: Можно. Но это потребует нескольких лемм, которые сейчас уже неуместно излагать.

Лиза Щеголькова (7 класс): У меня еще вопрос есть. Вот страны разные в Центральной Африке, например, они ниже по уровню развития языка более развитых стран?

А.А. Зализняк: Да, это очень важный для лингвистов вопрос. К сожалению, он принадлежит к числу тех, которые слишком близко соприкасаются с деликатными, связанными с эмоциями моментами, поэтому отвечать на них совершенно объективно иногда бывает трудно.

Действительно, были очень разные точки зрения по этому поводу среди участников дискуссии. Одна точка зрения состоит в том, что есть языки совершенно примитивные, которые очень мало чего могут выразить, и есть языки высочайшие, а именно, английский, конечно, который может выразить решительно всё. Другая, противоположная точка зрения состоит в том, что никакой разницы между языками не существует. Правда, как обычно бывает в таких случаях, по-видимому, находится не на этих крайних полюсах.

В действительности есть такие аспекты языка, в которых они все совершенно одинаковы, а есть аспекты, в которых они не одинаковы. Например, если ввести такую мерку: соответствует ли язык тому обществу, в котором он используется? соответствует ли, скажем, язык папуасов жизни, которую ведут папуасы? – то оказывается, что ответ на этот вопрос одинаков

для всех языков. Языков, которые бы плохо удовлетворяли своих носителей, которые ставили бы их в такое положение, когда что-то важное для их жизни невозможно выразить, не бывает. Другое дело, что условия жизни, конечно, очень разные у папуасов и, скажем, у английского бизнесмена.

Другая сторона дела состоит в том, бывают ли языки более богатые или бедные по словарю, языки с какими-то тонкими синтаксическими правилами или, наоборот, с расхлябанными правилами? Вот тут разница есть. И оказывается, что она зависит уже не от языка, как такового, и даже не от состояния общества, а от наличия или отсутствия литературной традиции. Языки с большой и особенно с великой литературной традицией, скажем, как английская, как русская, как французская, как итальянская, имеют уже огромный опыт. Большое количество хороших писателей поучаствовало и в накоплении их словарного состава, и в отработке стилистических, синтаксических и прочих деталей. В этом отношении какой-нибудь, например, чукотский язык может быть гораздо менее продвинутым, потому что у них писателей было очень мало, соответствующего опыта нет, в лучшем случае есть, скажем, какие-то фольклорные произведения.

Это в пользу теории о том, что языки неравны. Но они неравны в некоторой части, непринципиальной для главной функции языка. Главная функция языка исполняется одинаково хорошо.

Существенно здесь вот еще что. Когда-то, когда язык возникал, он, наверное, был очень примитивным. Но это было во времена возникновения кроманьонцев, примерно 60-70 тысяч лет назад. Тогда он был еще недостаточен по своей выразительности. Сейчас нам известны по письменности языки примерно последних четырех тысяч лет в лучшем случае. Китайский язык, египетский – примеров очень мало. Примерно такая же или несколько большая глубина достигается с помощью лингвистического анализа. Ну, можно примерно до семи тысяч лет доходить. Какие-то вещи иногда можно узнавать и сверх этого, но уже лишь очень частично.

И вот пока что обнаруживается следующее: до какой бы глубины мы ни опускались либо по письменным памятникам, либо по реконструкциям, мы находим языки совершенно такой же степени эффективности и совершенства, как современные. Какой-нибудь древнеегипетский язык четыре тысячи лет назад по степени сложности нисколько не уступает современным. В чем-то он может быть сложнее, в чем-то проще. Т.е. ничего общего между языками, которые мы знаем сейчас, и праязыком человека, когда он начинал от мычания переходить к членораздельным звукам, нет. Здесь дистанция огромная и нам пока что совершенно недоступная.

Вот такой немножко непростой ответ на ваш вопрос. А сам вопрос очень правильный, очень волнующий лингвистов.

И.Б. Иткин: Спасибо большое, Андрей Анатольевич.